Геннадий Семенихин

Космонавты живут на земле

[illegible]

Посвящается нашим первым летчикам-космонавтам и тем, кто сделал возможными их полеты, чьи имена еще не названы человечеству

Это не история «звездного городка» и не рассказ о судьбах героев космоса, чьи имена обошли весь мир. Этот роман повествует больше о завтрашнем дне, чем о сегодняшнем, и поэтому не удивительно, что правда переплелась в нем с вымыслом и догадками. Полагаю, что люди, которые во много раз лучше автора знают детали и подробности жизни и подготовки космонавтов, не осудят его за это жестоко.

А теперь о Леше Горелове и его товарищах...

ГЛАЗАМИ АВТОРА ИЗ 19... ГОДА

Человек в оранжевом, демаскирующем его комбинезоне раскачивался под куполом парашюта. Внизу на сотни километров окрест расстилалась по-летнему знойная степь. Это была та самая степь, что приняла первых наших космонавтов. Именно на нее, твердую и безводную, кое-где кочковатую, а кое-где пеструю от высокой травы или черную от саксаула, опускался парашютист.

В голубом настое душного воздуха сверкающий комбинезон далеко был виден и самолетам, и вертолетам, кото-

рые уже искали парашютиста, да и просто всем людям, для кого эта степь была родимым краем. На козырьке гермошлема у космонавта алели крупные буквы — «СССР». Этот космонавт стартовал с того же самого космодрома, что и другие его предшественники. Только он пошел гораздо дальше их по неизвестной звездной дороге. Он первым побывал в том далеком пространстве, где не был еще никто, и первым с близкого расстояния увидел в иллюминатор своего космического корабля другую планету. На долгие годы, а если говорить точнее — на всю жизнь запечатлелась в его глазах стылая черная поверхность чужого небесного тела, изрезанная многочисленными впадинами безмолвных гор, воронками кратеров, темными безднами морей. И он, повидавший это, спешил теперь назад, чтоб рассказать обо всем людям.

Человек опускался на парашюте, и одно это уже было необычным, потому что все последние космические полеты завершались приземлением экипажей в кораблях. Но Земля на этот раз слишком волновалась за судьбу своего сына, и за несколько часов до финиша на командном пункте было принято решение, чтобы он катапультировался. Не было полной уверенности, что после встречи с метеоритами и всех перенесенных испытаний посадочная система космического корабля сработает безупречно...

Если бы человеку, который сейчас мирно раскачивался под шелковым куполом парашюта, задали года тричетыре назад вопрос — возможен ли облет нашей ближайшей соседки Луны непосредственно с космодрома, — он бы ответил отрицательно. Он знал наперечет все статьи и научные работы на русском и английском языках, доказывающие, что полет к далеким мирам возможен лишь с орбитальных космических станций. Он и сам в часы досуга рисовал такие станции и людей в скафандрах, которые в открытом космосе монтируют громоздкие корабли. Если бы его спросили (да его об этом и спрашивали на занятиях), как выводятся корабли на орбиту и как в условиях невесомости собирается по отдельным частям корабль, способный достигнуть другой планеты, он, вероятно наговорил бы множество таких интересных вещей, что непосвященные приняли бы его за ученого, отдавшего науке десятки лет.

Но вот прошли эти три-четыре года, и молодой человек, обладавший к тому же не внушающим доверия кур-

Горелов не двинулся с места. Он поднял ладонь к нагретому солнцем гермошлему и, как того требовал устав, начал рапортовать:

— Товарищ генерал, на корабле «Заря» летчик-космонавт Советского Союза майор Горелов...

Он должен был коротко сообщить о том, что завершил первый в истории человечества облет Луны, произвел киносъемки и в тяжелых условиях отремонтировал терморегуляторную установку, а теперь вернулся на родную землю и готов к любым новым заданиям. Но уставной рапорт не получился. Алексей вдруг вспомнил, как бушевали в черном бездонном космосе губительные солнечные вспышки и какой отчужденно холодной была поверхность Луны, когда он делал вокруг нее непредвиденные витки... И — осекся, ощутив, как неожиданный комок стиснул горло. Он не понял, отчего взмокло лицо: от непрошеных слез или от пота. Он глотал воздух, стараясь побороть паузу. Но генерал не принял необходимого в таких случаях положения «смирно», так и остался стоять с широко разведенными руками. Потом сделал еще один шаг к нему и требовательно, совсем уже, что называется, генеральским баском повторил:

— Ну, иди, что ли, Алешка... кому говорю!

Горелов бросился к генералу, ткнулся ему в грудь жестким гермошлемом, вдохнул запах полевой гимнастерки, поблекшей уже от здешнего солнца.

— Спасибо, Сергей Степанович! — сдавленно воскликнул он. — Всем спасибо...

И ему представилась вся его еще не очень большая, но вовсе не легкая и не простая жизнь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ РОДНОГО ПОРОГА

В мае 1961 года первый космонавт мира Юрий Гагарин, возвращаясь в Москву, должен был проехать по пути небольшой исконно русский городок Верхневолжск. У каждого города своя судьба и своя биография. Есть она и у Верхневолжска, уютно прилепившегося к правому берегу Волги на небольшой ее излучине, после которой она выпрямлялась и несла пароходы, буксиры и самоходки-баржи вниз к Костроме, Ярославлю и дальше до самой Астрахани. Ближайшая от того места, где когда-то возник городок, железнодорожная станция — за тридцать километров. Леса местами выбегают здесь на оба волжских берега, и в тихоструйных водах постоянно купаются отражения берез, сосенок и черных, гордых в своей непоколебимости дубов. Как не похожи друг на друга были эти деревья! Березки, например, всегда стояли словно озорные подбоченившиеся девчата, насмешливые ко всему происходящему на их глазах. Сосны высились над ними спесиво и, шурша мохнатыми ветвями, рассказывали порой такие небылицы, что тем хоть со стыда сгорай. Каждая из них — ни дать ни взять как свекровь, случайно попавшая на сходку молодых девчат, в число которых затесалась и ее собственная сноха. Дубы стоят

величаво и молчаливо, убежденные в своей вечной мудрости, считая недостойным для себя судить тех или других.

Сказывали, что когда-то давно леса эти насадил вернувшийся из ссылки русский инженер. К семье в Петербург, по указу царя, его больше не допустили, и он скоротал свою жизнь на этих берегах, в чахотке и исступленных заботах о молодых лесонасаждениях. Так это было или не так, судить теперь трудно, но вымахали замечательные эти леса, дожили до наших дней и стали такой гордостью Верхневолжска, что на заседаниях местного исполнительного комитета на тему об их охране была произнесена не одна горячая речь и сочинен не один протокол.

На картах крупного масштаба Верхневолжск отсутствует. Однако это вовсе не означает, что его летописцам и рассказать-то не о чем. Много лет назад по всей Волге, от верховья и до устья, славились его искусные сапожники. Сапоги, хоть юфтовые, хоть из хрома, хоть с напуском и шикарными короткими голенищами, или модные дамские ботинки с высокой шнуровкой, местные умельцы делали так, что не один заезжий купчик богател на заказах и поставках. А квас, которому не было равного ни в Твери, ни в Нижнем Новгороде! А медовуха и брага, появлявшиеся по праздникам! Да и пряники местные со штемпелем известного по всей Волге купца Буркалова тоже что-то значили, хоть и были похуже вяземских и тульских.

Это был местный воротила, владевший верхневолжскими капиталами. И над пакгаузами пристани, и над пивоваренным заводом, и над единственной в городе деревообделочной фабрикой висели железные и деревянные вывески с намалеванной аршинными буквами его фамилией. И никаких «и сыновья» или «и К°» в придачу к ней на вывесках не значилось. Просто — «Буркаловъ И. Г.» и все тут. Купец щеголял в грубых холщовых рубахах и юфтовых подкованных сапогах, запросто поднимал с грузчиками огромные тюки, если надо было для вдохновения показать им «русскую силушку». Был он в меру богомольным, но, когда входил в запой, поминал господа бога такими словами, что местный отец Амвросий не раз поговаривал об отлучении его от церкви. Доходили эти разговорчики и до самого Игната Гав-

риловича, и когда в пьяном виде встречал тот духовника, то издевательски потрясал толстенным, набитым до отказа сторублевками бумажником из заморской крокодильей кожи и несусветно орал:

— От бога меня грозишься отлучить, длиннобородый! Накось, выкуси. А вот это видел?! Да я за эти червончики какого хошь себе бога выберу, хоть языческого, хоть лютеранского!

Высокий, нескладный отец Амвросий дрожащей рукой спешно осенял себя крестным знамением, мотал головой:

— Изыдь, окаянный, анафема тебя забери! В аду синим пламенем гореть будешь.

— Что? — хохотал купец. — А ты видал, каким синим пламенем моя буркаловская водка горит? Да такого ни в аду, ни в раю не сыщешь, долгогривый!

Буркаловские запои, или, как он сам их именовал, «циклы», доходили обычно до десяти дней. Потом с вытаращенными рачьими глазами приползал он из какого-нибудь притона, заросший и весь сгорающий от озноба и, ни к кому не обращаясь, твердил:

Свят, свят, свят,
От мозгов до пят.
Брысь, не наводись...

Его управляющий, тонкий и чопорный немец Штаубе, называл этот момент «наваждением» и удовлетворенно потирал руки, потому что хорошо усвоил, что бросивший на время все свои дела Буркалов после «наваждения» крикнет своей дряблой, увядшей жене коротко, но повелительно:

— Мать! Березовый веник!

После лютой бани, смывавшей бесовскую алкогольную накипь, Буркалов целый месяц работал как вол, питался одними крепкими щами да гречневой кашей с парным молоком, вплоть до вступления в очередной «цикл».

Рассказывали, будто бы однажды по прошествии серьезного и более затяжного, чем все предыдущие, «цикла» Игнат Гаврилович почувствовал себя плохо и слег. Вызвав фельдшера, велел поставить двойную дозу банок. Но и банки не помогли. Тогда не на шутку обеспокоенный Буркалов на лихой тройке доехал до чугунки и с первым же поездом отправился в Питер. Там он пришел на прием к знаменитому, на весь мир известному доктору.

— А что решил? — спросил Ефимков, хотя по счастливому лицу Алексея и так все можно было понять.

— Согласен, — сдержанно ответил Мочалов.

— Ты или он?

— И я, и он.

— Так я и знал, — мрачно заключил комдив и, не снимая куртки, сел. Достал из кармана трубку, снова сунул ее в карман и, подойдя к молодому летчику, крепко обнял его левой сильной рукой, почти пригнул за плечи к себе. Был Ефимков на целую голову выше Горелова, глыбой возвышался над ним.

— Как назвал ты меня, Сережа? — окликнул он Мочалова. — Феодалом? Ну а ты — самый что ни на есть узурпатор. Лучшего парня забираешь. Никому бы другому не отдал. Только тебе, старому верному другу, доверяю Горелова. — Он оттолкнул от себя Горелова так же неожиданно, как и притянул, погрозил ему сурово пальцем. — А ты, смотри... от родного порога в новую жизнь уходишь. Был ты летчиком на уровне у Кузьмы Ефимкова. Вот и там должен честь родного порога беречь. Не забывай, парень, что этим родным порогом у тебя в жизни была истребительная авиация. Она тебя человеком сделала.

— Я этого никогда не забуду, Кузьма Петрович, — негромко произнес Горелов, — и вас особенно. Вы столько для меня сделали.

— А вот это уже сентиментальность, — прервал его Ефимков, — это не надо, Алексей. Она даже в пейзажах вредна, если их пишет летчик-истребитель. Шагай переживать свою радость. Все у тебя складывается хорошо, парень. Только смотри, в космос слетаешь, на земле меня не забывай. А то встречу где-нибудь, автограф попрошу, а ты сделаешь вид, будто и не знаешь меня...

— Да что вы, товарищ полковник.

— Ладно, ладно, всякое бывает, — проворчал с напускной суровостью комдив. — Ну а сейчас марш!

...Ровно через неделю на имя полковника Ефимкова пришла из высшего авиационного штаба короткая телеграмма: «Командир звена старший лейтенант Горелов Алексей Павлович приказом Главкома ВВС НП 296 и откомандировывается в распоряжение генерала Мочалова».

Кузьма Петрович, уже свыкшийся с неизбежностью предстоящей разлуки, прочитал ее не спеша, резко нажал

кнопку звонка и, когда в дверях выросла фигура дежурившего по штабу офицера, спокойно произнес:

— Разыщите старшего лейтенанта Горелова и передайте, что поступил приказ об отчислении его из нашей дивизии. Пускай срочно собирается и завтра вечерним поездом выезжает в Москву. Куда и зачем — он знает.

Оставшись один, комдив еще раз перечитал телеграмму и шумно вздохнул. Откинувшись на спинку кресла, он долго глядел в прямоугольник запотевшего от холода окна и думал о людях, с какими сталкивался на жизненных тропах. Многих летчиков встречал он и провожал. Но этот парнишка по-особенному был дорог. Его, вчерашнего десятиклассника, научил когда-то Ефимков летать, ему помог стать здесь, в Соболевке, боевым летчиком. Теперь он уходил.

— Пусть же повезет ему и на космическом маршруте! — тихо вздохнул комдив.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗВЕЗДЫ ЕЩЕ НЕ БЛИЗКО

Морозным январским утром на одной из самых далеких подмосковных платформ остановился поезд. Из него вышел только один пассажир. Сипло вскрикнул паровоз, и состав поплыл мимо платформы. Пассажир огляделся. Под навесом жались воробьи. Окно кассы задубело от наледи. Жизнь, могло бы показаться, совсем замерла здесь от тридцатиградусного мороза, если бы не дымилась напротив, над рыжей дощатой, более высокой, чем станция, постройкой, кирпичная труба.

Вывеска «Буфет» была на этой постройке куда крупнее, чем табличка с названием разъезда, прибитая чуть повыше окошка кассы. Может быть, поэтому в лютые морозные дни часть пассажиров упорно путала эти две постройки и, прежде чем очутиться у окошка кассы, открывала скрипучую дверь под вывеской «Буфет».

Одинокий путник этого искушения избежал. Не отыскивая взглядом случайных пешеходов, у которых можно было уточнить дорогу, он уверенно, словно много раз бывал на этом разъезде, прошагал до конца перрона, спустился по лесенке и по тропинке, узкой, но добротно вытоптанной многими пешеходами, вышел к широкой

орбите?» Но снова билось в мозгу короткое и громкое «сейчас, сейчас».

Генерал Мочалов взял очки, которые надевал только в торжественных случаях.

— Товарищи летчики-космонавты. Приказом Министра обороны от пятнадцатого июня кандидатами на космический орбитальный полет от нашего отряда утверждается экипаж в составе первого пилота летчика-космонавта майора Владимира Павловича Кострова, второго пилота летчика-космонавта майора Андрея Игнатьевича Субботина.

«Значит, меня не вторым пилотом, — быстро билась Алешина мысль, — значит, в дублеры... Все равно превосходно. Сейчас, сейчас».

— Дублерами космического экипажа назначаются, — продолжал Мочалов, — первым дублером майор летчик-космонавт Игорь Степанович Дремов, вторым летчик-космонавт капитан Виталий Игнатьевич Карпов.

Алеша не выдержал и, не совладав с собою, привстал.

Мочалов строго посмотрел на него поверх стекол очков:

— Вы хотели что-то сказать, товарищ старший лейтенант?

Алеша запнулся и покраснел, почувствовав на себе колкие взгляды товарищей. И тогда, вместо того чтобы садиться, он выпрямился во весь рост, смело и свободно, словно сбросил с себя тяжелую ношу:

— Да, товарищ генерал. Я хотел от души поздравить всех моих товарищей.

Генерал широко улыбнулся:

— А что? Ведь он прав. Присоединимся к нему, товарищи?

И в кабинете возникли громкие аплодисменты. Возвращаясь после собрания домой, Горелов отстал от веселой ватаги своих друзей. Теплая летняя ночь висела над городком. От легкого ветерка испуганно трепетала листва на березках. В небе веселыми табунками бродили звезды. Алеша уже научился различать многие созвездия и отдельные светила в их пестро-голубой, непонятной для непосвященного хаотической массе. Запрокинув голову, он смотрел в темное небо и думал о том, что и сейчас в их сгущенной толчее нет-нет да и проносятся таким же голубым светом мерцающие тела, созданные из металла

нашими конструкторами и рабочими, только называют их спутниками. Пройдут дни — и к этим передвигающимся по небу точкам прибавится еще одна, в которой полетят его друзья Володя Костров и Андрей Субботин. А он снова останется на земле, потому что звезды еще не близко. И нельзя к ним идти, не освободившись от груза самоуверенности, не подготовившись как следует на земле. Ночь остудила его пылающие щеки. Он уже вернулся в реальный мир и думал о своем ближайшем будущем и о тех многочисленных тренировках, которые ожидают его и завтра и послезавтра и которых еще много нужно будет перенести, прежде чем его имя назовут в таком же приказе, в каком сегодня назвали имена его друзей.

«Да. Звезды еще не близко, — вздохнул Алексей. — А значит, снова за тренировки, за учебу!»

Он шел по дорожкам засыпающего городка, жадно вдыхая лесной воздух ночи. Он знал, что путь в космос начинается с этих дорожек.

Он знал, что его час придет.

Июль 1964—июль 1965

СОДЕРЖАНИЕ

Глазами автора из 19... года 3

Часть первая. От родного порога 19

Часть вторая. Звезды еще не близко . . . 129

Геннадий Александрович Семенихин
КОСМОНАВТЫ ЖИВУТ НА ЗЕМЛЕ
М., Воениздат, 1966, 360 с.

* * *

Редактор *Н. В. Логинов*
Художествеиный редактор *Г. В. Гречихо*
Художник *Е. И. Селезнев*
Техинческий редактор *Л. Г. Репнина*
Корректор *Л. П. Миронова*

* * *

Сдано в набор 27.11.65 г.
Подписано к печати 9.3.66 г.
Г-37076.
Формат бумаги $84 \times 108^{1}/_{32}$ — $11^{1}/_{4}$ печ. л =
= 18,45 усл. печ. л. 19,129 уч.-изд. л
Тнраж 200 000 экз.
Изд. № 4/6312 Зак. 1205

* * *

1-я типография
Военного издательства
Министерства обороиы СССР
Москва, К-6,
проезд Скворцова-Степанова, 3

Цена 77 коп.

Просим отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, К-160, Военное издательство

